

ПРОТОТИП

«Роковая женщина» Федора Достоевского

«И не понимаю, не понимаю, что в ней хорошего! Хороша-то она, впрочем, хороша, кажется, хороша. Ведь она и других с ума сводит. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мне кажется, ее можно всю в узел завязать или перегнуть надвое. Следок ноги у ней узенький и длинный — мучительный. Волосы с рыжим оттенком. Глаза настоящие кошачьи, но как она гордо и высокомерно умеет ими смотреть». Такими словами описывает Федор Достоевский «инфернальную» Полину, героиню повести «Игрок».

Ее прототип — Аполлинурия Прокофьевна Сулова, юная подруга Достоевского и, как утверждают биографы писателя, «роковая страсть его жизни», через многие годы ставшая женой и «мукой» другого знаменитого человека — философа Василия Розанова.

В издательстве «Согласие» вышла книга Людмила Сараскиной «Возлюбленная Достоевского». Ее героиней стала сама Аполлинурия Сулова. Книга необычна по жанру — это располотенные в хронологическом порядке документальные и художественные свидетельства, почерпнутые из самых разных источников. Впервые публикуются сорок писем Аполлинурии Суловой, письма Василия Розанова.

По словам автора, книга — первая попытка составить целостную биографию этой женщины, не ограничиваясь отдельными эпизодами ее жизни. Достоевскому в этой жизни было отведено 5, Розанову 9 лет. А прожила Сулова 79.

— Мужчины, которые любили ее, обеспечили ей бессмертие, — говорит Людмила Сараскина. — Оно, бесспорно, дает право на биографию. Мне хотелось дать ей слово в свою защиту, потому что ей такого слова никто и никогда не давал. Биографы охотно цитируют дневники Анны Григорьевны, жены Достоевского, воспоминания его дочери Любови Федоровны, в которых Аполлинурия Сулова выглядит женщиной легкомысленной, взбалмошной, совратившей великого писателя и желавшей его погубить. Весьма популярны и высказывания Василия Розанова о его бывшей жене как о «злой фурии».

Желание смыть с моей героини грязь, которой ее вымазали, было вознаграждено. Этим летом мне фантастически повезло — удалось обнаружить в московских архивах около ста новых, никогда не публиковавшихся документов. Иногда это были негативные фотокопии, иногда — ветхие странички в чернильных кляксах, заполненные неразборчивым почерком. До меня эти материалы почти год были у одной американки из Колумбийского университета, но она их так и не смогла прочесть. Мне же и сейчас все еще снятся эти письма... В общем, благодаря этим находкам стало возможно реконструировать биографию Аполлинурии Суловой в полном объеме.

— Что заставило вас обратиться к жизни этой женщины: ощущение какой-то особой связи с ней или простая случайность?

— Ничего случайного, конечно, не было. Достоевский — писатель, чьи персонажи, а также их прототипы подчас не менее интересны, чем он сам. И я вообще считаю себя не столько специалистом по Достоевскому, сколько исследователем его героев. Понять, кто такой Ставрогин, — да на это можно жизнь положить!

В этом смысле судьба Аполлинурии Суловой — прототипа наиболее пленительных героинь знаменитых романов Достоевского, женщины, одарившей писателя мучительным опытом любви-ненависти, — самый благодатный фактический материал для биографа-исследователя.

Менее всего я задумывалась о какой-то моей особой связи с Суловой. Просто я испытывала к ней нежность и жалость, ведь судьба ее не щадила. Как «бывшая» возлюбленная и «бывшая» жена она лишилась некоего исторического покровительства, мне же хотелось сочинить для нее нечто вроде охранной грамоты.

— Книга была написана за феноменально короткий срок. От первого разговора с издателем до ее выхода прошло, как вы говорите,

всего 165 дней. За это время ваше отношение к Суловой изменилось?

— Я увидела в ней гораздо больше человеческого, чем специфически женского. Она очень хотела стать писательницей, переводчицей, педагогом. Она написала четыре повести, сделала прекрасный перевод с французского биографии Франклина, долго готовилась в сельские учительницы и наконец стала ею, но все пошло прахом: школу закрыли, а у нее отняли право преподавать. Много раз ей приходилось начинать жизнь с нуля. Не всегда хватало сил. Чем больше я вчитывалась в ее письма, рукописи, тем сильнее сочувствовала ей, ее одиночеству, неприкаянности, бесприютности. Вместе с тем я не хотела быть ей ни судьей, ни адвокатом, я лишь надеялась найти новые факты, которые можно будет противопоставить злобе, пошлости, клевете.

— Для Достоевского Аполлинурия Сулова стала «роковой женщиной», предметом бурной любовной страсти. Между тем, знакомясь с ее биографией в вашей книге, не подмечаешь ни одной «роковой» черты в характере, которым Достоевский наградил своих инфернальных героинь.

— В этом-то и тайна, загадка. Все настоящее, истинное не нарочито. Аполлинурия Сулова не бегала из дома в дом, из салона в салон с сообщениями, что она-де жестокая муза Достоевского, а жила внутренней, сосредоточенной жизнью, заботясь прежде всего о самоуважении. Она заставляла страдать своих возлюбленных, но страдала и сама, и терпела, и терпела... Думаю также, что Достоевский видел свою подругу не совсем такой, какой она сама себе казалась. Роковая женщина... Если бы она воображала себя «роковой женщиной», которая «ушибла» знаменитого писателя, вся ее история была бы дешевым водевилем. Между тем жизнь ее драматична, а переживания подлинны. Она не кокетничала своей связью с Достоевским: Василий Розанов, ее муж, так никогда и не узнал о существовании знаменитого «Дневника». Женясь на «женщине Достоевского», он, я думаю, мало что узнал от нее о Достоевском. А главное, ей, как шестидесятинице и эмансипантке, роль «роковой женщины» была униительна. Даже если бы Аполлинурии Суловой намекали, что некоторые женские персонажи Достоевского списаны с нее, она бы не захотела найти сходство с ними.

— Вообще сопоставление судьбы персонажа и судьбы прототипа поучительно. В то время когда Достоевский пишет роман «Идиот» с его фантастической инфернальной героиней Настасьей Филипповной, «инфернальница» Аполлинурия одиноко и смиренно живет в деревне и готовится к экзамену на звание сельской учительницы.

— Несомненно, «Возлюбленная Достоевского» найдет своего читателя, но сегодня, согласитесь, это все же «дела давно минувших дней». Ваш издатель любит риск?

— У Достоевского в «Подстрек» есть замечательная фраза: «Мы с вами — одного безумия люди!». Когда Вацлав Михальский, президент издательского концерна «Согласие», в первую нашу встречу в апреле этого года спросил меня, что бы я хотела написать, я немедленно рассказала ему о моем предмете — Аполлинурии Суловой. В ответ услышала: «Пишите!». Этот разговор все решил. Конечно, ни о какой прибыли издательству пока нет и речи. Тираж книги небольшой — 5 тысяч. Если будут еще заявки, никто не помешает его повторить. Цена — 15 тысяч рублей — лишь компенсирует затраты на издание.

— Вы представляли книгу на недавней ярмарке во Франкфурте. Сулова была кому-то интересна?

— Я бы даже сказала, пользовалась успехом. Я привезла во Франкфурт 40 экземпляров, 30 сразу же купил магазин русской книги в Мюнхене. Издательство «Фишер» намерено перевести книгу на немецкий язык. Подобное предложение я получила и от одного лондонского издателя.

Татьяна АНДРИАСОВА